

**Митрополит Питирим. Воспоминания.
«Како подобает в дому Божиим жити...»
О духовной сосредоточенности**

Некоторые слова в наше время употребляются так часто, что первоначальный смысл их совершенно теряется. Одно из таких слов, понятий — духовность. Оно нередко употребляется в искаженном смысле. Так было в советское время, когда у нас «поднимали духовность», что выражалось в основном в создании ансамблей песни и пляски и немного — в литературе. А светоча подлинной русской духовности, преподобного Серафима Саровского, и упомянуть было

нельзя.

Духовность в православном понимании — это та высокая степень личного внутреннего развития, которая, принимая все, высшей ценностью считает вечную жизнь своей души в полном соответствии с волей Божией. Душа неизмерима никакими ценностями. Когда мы придем на суд к Богу, нас не спросят: «Сделал ли ты что-нибудь для спасения Каракумов или Аральского моря, или для орошения Афганистана?» Бог спросит, и мы обязаны будем ответить на вопрос: «Что ты сделал со своей совестью? Было ли так, что ты когда-нибудь ее не послушал? И сколько раз ты ее не слушал, сколько раз ею пренебрегал?»

Наш преподаватель Богословского института, о. Вениамин Платонов, говорил: «Человек существо очень сложное, и поэтому не всегда можно принять адекватное решение. Можно приспособливаться всю жизнь, и пройдешь, и карьеру сделаешь, как наши некоторые литературные герои. Но когда-то неизбежно наступает момент, когда нужно будет дать ответ».

Человек, созданный Богом, был бессмертен, у него была неограниченная свобода действия, но ему был дан закон, по которому он должен был жить. Этот закон не сковывал человека, но давал направление его деятельности. «Все мне позволительно, но не все полезно», — говорил апостол Павел. Принимая все, человек выбирает лучшее. Есть старая пословица: «Нравственность, которую надо защищать, не заслуживает того, чтоб ее защищали». Человек, который сидит под домашним арестом или в одиночной камере, никаких противоправных действий не совершает, но это не значит, что он стал нравственным.

Духовный человек, конечно, воспримет классическую музыку, но эстраду — далеко не всю. Из литературы он примет не только Пушкина, но даже Маяковского, — однако вряд ли согласится держать у себя на полке Демьяна Бедного. Читать, конечно, надо не только Библию — надо уметь читать и светские книги. Русская культура, безусловно, духовна в своей основной компоненте. Наше общество до сих пор более духовно, чем то, что мне приходилось встречать в иных странах, хотя сейчас эта духовность и у нас тщательно вытравливается.

Отождествлять духовность с религиозностью — это тоже крен. Я бы сказал, что знак равенства можно поставить между понятиями «духовность» и «человечность». Одно из древних имен Бога — «Сила». У греков даже возглас есть перед Евхаристией, когда хлеб и вино уже находятся на престоле: «Динамис!» — «Сила!» Человек — проводник этой божественной силы в мире. Как камень — это твердое, огонь — это горячее, так человек — духовное существо, духовна сама человеческая субстанция. Весь мир вмещается в душе человека. Но если в нем нет духа — это уже не человек. Духовная сущность проявляется в человеке по-разному. Гнев и ненависть — это тоже проявления духовности, это не всегда плохо. «Ревность о Боге сжигает меня» — сказано в Писании.

Когда человек выходит за рамки своего материального состава, он становится как бы равным Богу - Святитель Афанасий Александрийский сказал однажды, может быть, даже роковую для нас фразу: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом». В богословии есть термин «обожение» — т.е. не просто почитание Бога, но именно проникновение всего человеческого существа силой Божией. Человек создан по образу и подобию Божию. Образ — это то, что заложено в человеке: свобода, совесть, начатки вечной жизни. А подобие — это задача человека. Это неотъемлемый душевный мир.

Первый этап восхождения к Богу — наслаждение красотой окружающего мира. Следующий — видение красоты духовной, прежде всего -- красоты человеческой души. В кругах афонских старцев есть такое выражение: с Богом трудно. Бог заставляет работать всегда, мы все время должны быть в состоянии готовности, к которому призывает нас Христос.

Симеон Новый Богослов очень точно описал закон духовного делания. Бог всегда дает человеку «аванс». Первый опыт благодати всегда бывает радостным, светлым, но потом благодать отнимается и человек тоскует, пытаясь вернуть себе этот дар. Но для этого он уже должен приложить усилие, и Бог возвращает благодать, хотя и в меньшей степени. Так — как будто поднимаясь по лестнице, ступая вперед то одной, то другой ногой, человек постепенно восходит к Богу.

Путь восхождения к Богу — это самоограничение и молитва. Чем проще молитва, тем она действеннее. Поэтому и древние церковные писатели, и наши русские духовные наставники твердят о высоком значении краткой так называемой Иисусовой молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Эта молитва создает тот внутренний духовный мир, который является выражением пути человека к Богу и привлекает в ответ божественную силу.

Помню экзамен в Богословском институте, еще в Новодевичьем монастыре. Патриарх очень любил посещать занятия, экзамены и в тот раз он посетил наш курс. Видя, что народ интересный, с которым можно говорить, он спросил: «Скажите, что значит: Бог дает молитву молящемуся?». Отвечал тогда Паша Голубцов. Помню, наступило некоторое замешательство, однако Павел с честью вышел из этого испытания, Патриарх его одобрил. Потом мы, студенты, еще обсуждали этот вопрос между собой. Выражение это библейское, а сама фраза имеет два очень серьезных значения. Одно — выражено в молитве оптинских старцев и митрополита Филарета: «Ты сам во мне молись», т.е. Бог внушает молящемуся наиболее полезную для него молитву, ту, которую Он готов исполнить, но молящийся сам должен об этом попросить.

Другое значение — когда количество переходит в качество. Только молящийся может по-настоящему понять всю силу и глубину молитвенного делания. А это очень высокая школа. За многое мы не можем даже браться — это умная молитва. Помню, задал я вопрос одному старцу, а он ответил: «Об этом может говорить только тот, кто проходит умную молитву». Но молиться количественно может каждый. Вначале, конечно, всякое правило является принудительным: хочешь — не хочешь, а если завтра служить — читай. Нет сил — выпей чашку кофе. Помню, однажды мы говорили с Патриархом и он сказал: «Я всегда читаю утром, просто пораньше встаю». Я тогда сказал: «А мне утром очень трудно вставать раньше, я вычитываю с вечера», но потом понял, что он был прав: вечером уже устаешь, а на свежую голову молиться лучше.

Был такой замечательный иерарх — архиепископ Филарет Рижский. Как-то раз он сказал: «А я правило вообще не читаю». Я, иподьякон, услышав это, чуть в обморок не упал: как же так, такой хороший архиерей и вдруг — правило не читает! А он продолжал: «Я прихожу в свою домовую церковь и сижу в кресле перед алтарем, пока не почувствую, что готов служить обедню». Сколько он так сидит — он мне

не рассказывал, и что он при этом делает — тоже, — я уже и вникать перестал: получил — и успокоился. Но, во всяком случае, это внутреннее состояние — уже не необходимость, а желание, и даже жажда молитвы, — как раз то, с чем священник должен подходить к литургии.

Христос в Евангелии говорит, что не надо молиться долго, — так, как делают фарисеи. Он учит обращаться к Богу проще, словами молитвы «Отче наш». Смысл этой молитвы в том, чтобы ощутить себя в единстве, в сыновстве по отношению к Богу Мы Ему не чужие, не пришлые, мы Его дети, которым Он даст все необходимое и из которых создаст Свое Царство. Бог дал нам возможность быть его детьми. Этому и служат церковные таинства.

Когда священник встает перед престолом, это можно сравнить с началом битвы: сила на силу, сила духовности — против той злобной силы, которая идет на нас. Поэтому, если у священника на душе беспокойно, если его духовный мир нарушен, то он, можно сказать, разоружен. Умерший в схиме монах Нектарий (Овчинников), Николай Александрович, известный хирург, который в юности был алтарником у моего отца и другом моих старших братьев, — говорил мне, когда уже стал священником, что ему было бы легче провести полторы смены за операционным столом, чем отслужить одну литургию.

Дьявол слабее Бога, но его тактика — раздробить, размельчить внутреннее состояние человека. Поэтому если читаешь молитву — заключаешь ум в слова молитвы, и не отвлекайся, не блуждай мыслями. Точно так же и в миру: слушаешь лекцию — слушай, а не мечтай о вещах более приятных. Всякая небрежность, разболтанность — и в работе, и в одежде — это умаление духовной сущности.

Добродетель целомудрия, которая очень ценится в Церкви, — это не столько сохранение девичьей чистоты или юношеской свежести — это именно целеустремленность, целенаправленность, цельность личности. Целомудренный человек не разменивает себя на мишуру.

Какие средства для духовного восхождения? Средств много, но смысл один — преодоление «плюрализма». Жизнь наша многообразна: делаешь одно, думаешь другое, отвечаешь третье. Быть совершенным во всех сферах деятельности — удел единиц. Поэтому человек, который концентрирует свои силы в одном направлении, достигает большего. Очень важна цельность, сосредоточенность внутренних усилий.

Вследствие проступка первых людей история пошла развиваться не по первоначально задуманному плану, а по боковым путям. Смысл пришествия Христа и Его искупительной жертвы — восстановление единства всей твари.

Каждая личность — это частица огромной массы. В прошлые годы я своим студентам, а потом даже и на телевидении, читал рассказ Чехова «Студент». Описывается обычный, весьма тривиальный сюжет, как студент семинарии, приехавший на пасхальные каникулы, ранней весной в сырой апрельский вечер ведет разговор у костра с бедными женщинами — о Пасхе, об Иисусе Христе, о страданиях, которые Бог принял за весь мир. И студент понимает, что вся история человечества — единая цепь, и стоит тронуть только одно звено, как отзовется вся последовательная цепочка.

В свое время, в период прохождения рубежа между дореволюционной и послереволюционной Россией был в Москве такой епископ Анастасий — очень яркий проповедник. Впоследствии он, к сожалению, уклонился в обновленчество, но тогда, после революции, к нему в храм сходилась множество людей — послушать его острую речь. Однажды, обращаясь к народу, который стоял в храме, он сказал: «Вот вы критикуете монахов. А знаете, чем монах отличается от всех вас, здесь стоящих? Он хотя бы один раз — но хотел быть лучше. А вы?» Это, конечно, полемический, риторический прием, который не всегда может быть применен, но действительно: монах — это тот, кто однажды хотел стать не таким, как вся биологически существующая масса, а сосре-

доточить все свои силы на одной важной цели — достижении одного высшего состояния.

Высшая монашеская ценность — невозмутимый покой, но монах никогда не утвердится в ней, пока не скажет: «В мире только двое — я и Бог». Монашество — это школа созидания собственной личности. Монах уходит от мира, чтобы в тишине, в уединении созидать самого себя. Уединение человеку необходимо. В одном древнем патерике описывается, такая история. Жили три монаха. Монастырская жизнь их не удовлетворяла. Они были строгими подвижниками, выполняли весь устав, но этого им было мало. И они договорились: разойтись и через некоторое время встретиться. Назначили срок и место — ту же хижину, в которой они были.

Прошло время и они вновь собрались вместе. Один говорит: «Меня всегда угнетала мысль о болезнях человека. Я решил посвятить себя служению больным. Я ушел в город, ухаживал за больными. Я не боялся прокаженных, я шел к холерным и чумным, но сколько я ни работал, я не нашел в себе покоя, потому что болезни все больше и больше увеличивались». Другой говорит: «Меня угнетала мысль о человеческих ссорах, и я пошел мирить людей. Я тоже поселился в городе. Я ходил по базарной площади, мирил спорящих, я входил в семьи и мирил между собой родных, но сколько я ни мирил, я вижу, что это невозможно. Я пришел в состояние огромной внутренней усталости, я не знаю, что мне делать».

А третий взял котелок, сходил к ручью, зачерпнул воду, поставил и молчит. Смотрят друзья в котелок: мутная вода, глинистая, соринки плавают. Смотрят — и тоже молчат. Через некоторое время соринки пристали к краям котелка, муть осела на дно и в зеркальной поверхности каждый увидел свое отражение. И тогда третий сказал: «А я, братья, ушел в пустыню и там увидел свое лицо».

Идея монашества зародилась очень давно, еще в библейские времена, когда человек, желавший очищения, принимал на себя обет назорейства. После сорокодневного поста назорей приходил к священнику в Иерусалимский храм, там сбрасывал весь волосяной покров, который сжигали — как знак полного очищения (волосы, кстати, очень накапливают информацию), и после этого приступал к своей повседневной жизни.

Так поступали и апостолы, путешествующие по странам Средиземноморья, так поступали люди и уже в нашу, христианскую эру. Но это не удовлетворяло тех, кто искал освобождения от самоуглубления. Уже во втором веке в Палестине возникли так называемые «воски», а в третьем веке в Египте зародилось собственно монашество. Оно пришло и к нам. Наш первый монах, преподобный Антоний Киево-Печерский прошел школу на Святой Горе, а затем перенес эти традиции в Россию.

Ярким примером такого подвижничества был Преподобный Сергей. Он ушел в дебри Радонежских лесов, чтобы в уединении преодолеть в себе те слабости, которые сопутствуют жизни человека. Так поступали и многие другие. Но удел монашества всегда трагичен тем, что человек, уходящий от мира, не остается в уединении долго. Мир идет к нему в поисках той тишины и глубины, которую тот нашел для себя. Таким образом, монашество становится уже социальным служением. Преподобный Иосиф Волоцкий, по видимому, посмотрел более прямолинейно: если все равно от мира уйти не удастся, то, может быть, монаху идти в мир и пытаться преобразовать его? Что он и сделал.

Православие.ру